

УДК 159.9.316.6

Забарин А.В.

Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии РФ,
Санкт-Петербург, Россия

Психологическая устойчивость к воздействию идеологии терроризма

Psychological Resilience to the Ideology of Terrorism

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы противодействия идеологии терроризма и формирования психологической устойчивости к идеологическому воздействию в условиях информационно-психологической войны. Психологическая устойчивость к воздействию идеологии терроризма определена как производная от меры эффективного усвоения гражданином в процессе социализации содержания нормативных национальных идеалов – религиозных и светских (социально-политических). Сделан вывод о том, что религиозным конструкциям экстремистских и террористических сект может эффективно противостоять только традиционная религия, а экстремистским и террористическим идеологиям – национальная идеология, выражающаяся в сформированных социально-политических установках, убеждениях, ценностях, идеалах гражданина, его мировосприятии и миропонимании.

Ключевые слова: психология терроризма, идеология терроризма, психологическая устойчивость к идеологическому воздействию, образ террориста, информационно-психологическая война

Abstract

The article deals with the issues of countering the ideology of terrorism and developing psychological resilience to ideological influences during the information and psychological warfare. Psychological resilience to the ideology of terrorism is defined as a derivative of a citizen's effective assimilation of normative religious and secular national ideals during socialization. It is concluded that only traditional religion can effectively resist the religious constructions of extremist and terrorist sects. And that the national ideology that manifests as socio-political attitudes, beliefs, values, ideals of a citizen, or his or her worldviews, can effectively resist extremist and terrorist ideologies.

Keywords: psychology of terrorism, ideology of terrorism, psychological resilience to ideological influence, terrorist image, information-psychological war

Введение

Статистика и география преступлений террористической направленности убедительно свидетельствуют о том, что актуальность проблемы терроризма в современном мире сложно переоценить. С одной стороны, ценность человеческой жизни провозглашается в качестве

основополагающей основы существования всех государств, с другой – можно наблюдать, как эта ценность становится разменной монетой политических интриг и цинично приносится в жертву на алтарь интересов и идеалов определенных групп. Терроризм как политическое преступление становится все более масштабным фактором политической борьбы (в том числе, на международном уровне), инструментом информационно-психологических войн.

Признак социально-политической мотивированности террористических действий предопределяет необходимость всестороннего изучения так называемой террористической идеологии, отражающей, формирующей и подкрепляющей соответствующие мотивы поведения и деятельности. Воспроизводство новых идейных рекрутов террористических организаций немислимо без существования действенных средств и механизмов обращения в идеологию (индоктринации). Согласно данным исследований подавляющее большинство членов террористических организаций – это молодежь, прошедшая жернова соответствующей идеологической обработки и вербовки (Коробеев, Мальцев, 2016).

Можно предполагать существование причин, которые делают приемлемой и даже привлекательной идеологию терроризма для молодых людей, и индивидуальных психологических различий между теми, для кого идеология терроризма приемлема и не приемлема. Существование этих различий и определяет психологическую устойчивость к воздействию террористической идеологии или, напротив, позволяет относить молодых людей с соответствующими личностными характеристиками к группе риска. Проблема выявления таких различий выглядит отнюдь не тривиальной после знакомства с результатами исследований социально-психологического портрета носителей террористической идеологии. Традиционная логика представления террористов как шизофреников, садистов, фанатиков, ущербных и морально глухих самоутверждающихся личностей,

переполняемых амбициями, оказалась не вполне состоятельной (Соснин, Нетсик, 2008; Лепешкин, Василин, Обирин, Талынев, 2018). По утверждению М. Сэйджмена немногие люди с психическими отклонениями привлекаются в террористические группы, поскольку с асоциальными типами редко кто долго общается для установления прочных связей (Сейджмен, 2008). В проведенном им уникальном эмпирическом исследовании в фокус-группе в 400 террористов лишь у четырех из них были отмечены некоторые намеки на неадекватное поведение. Социальный портрет террориста, по данным М. Сэйджмена, выглядит следующим образом: три четверти террористов – это выходцы из рядов «среднего класса» и высших слоев общества, 90% – это представители благополучных, полных семей, 63% закончили колледжи, 73% женаты, подавляющее большинство имеют детей, 13% посещали религиозные школы (Сейджмен, 2008). И, тем не менее, они приняли террористическую идеологию.

Очевидно, что сознательное неприятие какого-либо идеологического воздействия немислимо без умения различать всевозможные проявления, признаки этого воздействия. В нашем случае – это умение различать не террористическую и террористическую идеологию, связанное со знанием и пониманием сущностных признаков последней. Можно вспомнить хронику событий войны в Чечне и комментарии западных СМИ, именовавших чеченских террористов патриотами, повстанцами, партизанами. Сегодня появляются голоса журналистов, заявляющих о террористических действиях России в отношении Британии в связи с делом Скрипаля и «российских террористах в Сирии», угрожающих армии сирийских оппозиционных сил, сражающихся против «диктатора Асада». Какая идеология будет считаться террористической сторонниками данных взглядов или лицами, пассивно принимающими на веру данные оценки?

Подобные акты информационной войны ставят исследовательскую проблему: существуют ли некие сущностные признаки терроризма и

террористической идеологии или речь изначально идет о жупеле, ярлыке, представляющем собой инструмент информационной войны? И тот, кто имеет власть давать названия, может использовать этот инструмент по своему усмотрению? И что представляет собой психологическая устойчивость к воздействию идеологии терроризма в отсутствие критериальных показателей системообразующего для нее террористического идеала?

Терроризм как идеология насилия

Федеральный Закон РФ № 35 от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» определяет терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. То есть законодателем задаются два конструкта, раскрывающих сущность терроризма – это идеология насилия и практика воздействия на принятия решения перечисленными субъектами. При этом как идеология насилия, так и практика должны быть связаны с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Остановимся более подробно на каждом из этих конструктов.

Первый конструкт закона предполагает различие насилия (и взглядов, обосновывающих необходимость его использования), не связанного с устрашением населения, насильственных действий, реализуемых государством на основе закона. Этот момент представляется принципиально значимым. Некоторые авторы предлагают трактовку террористического мировоззрения как «убеждения о возможности, целесообразности и необходимости применения насилия в качестве

инструмента достижения целей» (Степанова, Логинова, 2016; Петрищев, 2012).

Есть религиозное течение джайнизма в индуизме, полностью отрицающее возможность какого-либо насилия в мире нанесением вреда всему живому. Может быть, оно принимается за идеал, противостоящий террористическому мировоззрению? Посылка исключения возможности, целесообразности и необходимости в конкретных случаях насильственного воздействия со стороны государства на гражданина, общество, другое государство, на наш взгляд, напоминает утопию. Она может звучать только как абстрагированная от реальности декларация. Может ли существовать общество без применения санкций (насилия) в отношении лиц, нарушающих социальные нормы? Возможно ли существование государства без применения санкций в отношении физических и юридических лиц, нарушающих нормы юридические? (Является ли, в частности, проявлением идеологии насилия обоснование запрета ряда антигосударственных международных организаций в России (НКО)?) Возможно ли существование государства, не признающего необходимости адекватного насилия в ответ на внешние угрозы?

Столь широкая трактовка терроризма как идеологии любого насилия без установления конкретных форм принуждения, условий, границ их применения порождает целый ряд неразрешимых противоречий, связанных с оценкой функций государства по пресечению какой-либо деятельности, ведением военных действий, институтом наказания.

Запугивание и физическое уничтожение при помощи насильственных актов, насилие с целью лишения воли к сопротивлению, устрашения актами возмездия являются ровесниками военных конфликтов. Известно много исторических примеров, когда действия воюющих армий не ограничивались применением силы только в отношении военных, и гражданское население использовалось в качестве заложников. Являются ли они террористическими

актами? Является ли атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки террористическим актом? Публичные наказания и казни, до сих пор применяемые в ряде государств, – это проявления терроризма?

С позиций нормативного подхода определяющим во всех этих случаях является разграничение законного и незаконного насилия. Важнейшим признаком государства, как известно, является его исключительное право на применение законного насилия. В соответствии с этим подходом соответствующие военному праву действия армий в условиях объявленной войны не могут быть террористическими так же, как и законные действия сотрудников правоохранительных органов или пенитенциарной системы. Ответ на вопрос – как быть с ситуациями войны необъявленной, например, бомбардировками Югославии или Сирии в отсутствие резолюции Совбеза ООН – вытекает из несоответствия применяемого насилия нормам права.

Альтернативный подход исходит из природы терроризма как нелегитимного насилия. В отличие от легальности как соответствия нормам права характеристика легитимности имеет в своей основе социально-психологическое содержание: насколько те или иные действия, решения, законы власти признаются справедливыми и законными самим обществом. Общественное мнение, в свою очередь, всегда является функцией от его выразителей и создателей, на роль которых в современном мире начинает претендовать и международная общественность, то есть политические лидеры других государств и СМИ, финансируемые определенными структурами и являющиеся «независимыми» выразителями их точки зрения. Международным общественным мнением могут выражаться, например, идеологические конструкции, обосновывающие необходимость насильственной смены недемократических, на взгляд их авторов, политических режимов, что в логике нормативного подхода подпадает под статью обоснования терроризма. Но здесь делается акцент на легитимности требования такой смены власти.

Переписывание официальной истории гражданской войны в России началось с объявления факта существования красного террора. Логика нормативного подхода разрешала этот вопрос однозначно: «красные» – это законное государство, пресекающее попытки государственного переворота и разрушения территориальной целостности государства со стороны белогвардейцев и иностранных интервентов. Логика легитимности в трактовке сначала новых российских политиков и историков, а затем и образовательного мейнстрима поставила эту законность власти «красных» под сомнение и уравнила красных и белых в правах: наряду с «белым террором» существовал «красный террор».

Подобная традиция идеологически правильного подхода к террористам существовала и в советской историографии. Якобинский террор провозглашался проявлением национально-освободительной борьбы, а организаторы этого террора – национальными героями. Политические убийцы высших государственных сановников царской России объявлялись выразителями революционной борьбы пролетариата за свои права и увековечивались в памяти потомком в названиях улиц и площадей советских городов. «Бомбисты» в революционной героике стали не просто приемлемым и допустимым, но и социально одобряемым феноменом. Отсюда, например, карикатуры, анекдоты и остроты после политического убийства князя Сергея Александровича, фактически оправдывающие и приветствующие совершенный Каляевым террористический акт в отношении «виновника Ходынки» и «врага революционеров». «Сохранились и некоторые реплики, которыми перебрасывались очевидцы покушения, – пишет Р.С. Закиров: «Молодцы, ребята, никого стороннего даже и не оцарапали, чего зря людей губить» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 60. Л. 137). Женщине, подбиравшей оторванный палец, кто-то сказал: «Чего берешь, чай не мощи!» (там же). Один из присутствующих пнул ногой студенистый комок со словами «Братцы, а говорили, у него мозгов нет!» (там же). Отмечалось так же, что

«многие из присутствующих не могли скрывать своего восторга, у многих вырывались замечания радости и удовлетворенности» (там же), а в Москве после убийства великого князя царило чуть ли не праздничное настроение, и «лишь в отдельных случаях слышалось озлобление и негодование, но это исходило из самой темной и некультурной среды» (там же: Л. 137 об.)» (Закиров, 2013, с. 311). «Получила широкое распространение шутка о том, что великому князю, наконец, пришлось пораскинуть мозгами, причем звучала она даже в профессорских домах» (Закиров, 2013, с. 311).

Терроризм, по сути, здесь представлялся в виде последнего оставшегося у народа средства по борьбе с угнетателями, войной бедных и отчаянных, униженных и оскорбленных. Войной, легитимность которой черпалась из апелляции к чувству гражданской справедливости:

«— Чего ты сердишься, Федор?

— Эх, нету правды на свете. Мы день-деньской на заводе, матери воют, сестры по улицам шляются ... А эти ... двести рублей ... Эх ... Бомбой бы их всех, безусловно» (Савинков, 1909).

Отметим, что подобные социально-бытовые, ситуативные проявления терроризма, в которых может проявляться спонтанная социально-политическая агрессия человека, попавшего в трудную, безысходную ситуацию, отражают кризис реализации принципа справедливости в обществе. Кому будет адресована данная агрессия (президенту, правительству, банку, олигархам, национальным меньшинствам...) предсказывать сложно.

Показательным результатом апелляции к общественному мнению по оценке террористических действий является и эксцесс присяжных заседателей по делу Веры Засулич, совершившей покушение на жизнь петербургского градоначальника Ф. Трепова. В своей пылкой оправдательной речи, адресованной присяжным заседателям, адвокат В. Засулич П.А. Александров заявил: «В первый раз является здесь женщина,

для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, – женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею, во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей ее молодой жизни. Если этот мотив проступка окажется менее тяжелым на весах общественной правды, если для блага общего, для торжества закона, для общности нужно призвать кару законную, тогда – да совершится ваше карающее правосудие! Не задумывайтесь! Не много страданий может прибавить ваш приговор для этой надломленной, разбитой жизни. Без упрека, без горькой жалобы, без обиды примет она от вас решение ваше и утешится тем, что, может быть, ее страдания, ее жертва предотвратила возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок. Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, в самых мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва. Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренною, и остается только пожелать, чтобы не повторялись причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников» (Судебная речь адвоката Александрова в защиту Веры Засулич).

Итог заседания – теракт, покушение на политическое убийство в рамках формальной судебной процедуры получил оправдательный вердикт со стороны законных общественных представителей.

Взывающий к чувству справедливости тезис о том, что народ имеет право свергнуть тирана, воспринимается гражданами как правомерный и обоснованный, в том числе теми, которые не понимают кем и как создаются рукотворные имиджи тиранов. А далее имитируется классическая революционная ситуация, идеологическое обоснование которой представлено, например, в листовке Земли и Воли от 14 марта 1879г., объявившим террористическое убийство «единственным средством самозащиты при настоящих условиях» и «одним из лучших агитационных приемов» (Морозов, 1992). «Нанося удары в самый центр правительственной

организации, оно с страшной силой заставляет содрогаться всю систему» (Морозов, 1992). «Раньше террор был борьбой отчаяния, самопожертвования, теперь террор – это борьба силы с силой, равного с равным; борьба героизма против гнета, знания и науки – против штыков и виселиц. Она (*террористическая революция – А.З.*) не говорит уже человечеству о безнадежности и самоубийстве. Нет, она говорит ему о могучей любви к свободе, способной сделать человека героем, способной придавать людям исполинскую силу совершать почти нечеловеческие дела» (Морозов, 1992). «Не в одном только обуздании существующего русского деспотизма должна заключаться цель террористического движения на нашей родине. Оно должно сделать свой способ борьбы популярным, историческим, традиционным. Оно должно ввести его в жизнь, так чтобы против каждого нового возникновения тирании в будущем лучшие элементы населения выдвигали новые группы лиц, которые уничтожали бы насилие рядом политических убийств. Идея террористической борьбы, где небольшая часть людей является выразительницей борьбы целого народа и торжествует над миллионами врагов такова, что раз выясненная людям и доказанная на практике, не может уже заглухнуть» (Морозов, 1992).

Подобные документы демонстрируют не только удивительную историческую повторяемость словесной софистики о борьбе за свободу и обуздании деспотизма как «праведных» причин для организации террора. Здесь достаточно ярко раскрывается механизм индоктринации, задающий героизму террористического акта, на который может решиться только «исключительный человек», способный к самопожертвованию во имя великой цели, обладающий самыми высокими морально-нравственными качествами: «Среди гробового молчания подавленного народа поднималась кровавая плаха, приносилась кумиру монархизма человеческая жертва и народная Немезида снова опускала свою едва поднятую голову. И удовлетворенное на миг чувство высшей справедливости сейчас же

помрачалось гибелью великодушного и самоотверженного человека. Самая мысль о цареубийстве ... говорила людям о страшных нравственных страданиях, о невыносимой внутренней ломке, которую пришлось пережить цареубийце, прежде чем он, окончив расчет с жизнью, шел на свой подвиг, и делал этот подвиг исключительным, ненормальным, недостижимым...» (Морозов, 1992).

Точно такими же словесными виршами воодушевляют сегодня террористов-смертников, которых готовят к террористическим актам (Спирина, 2013). Нормативным ли является поведение человека, впитавшего в себя данную систему ценностей и оценивающего окружающий мир в этой системе идеологических координат? Герой – тот, кто способен пойти на самопожертвование и даже совершить политическое убийство тирана для реализации справедливости, отмщения, во имя свободы, высшей правды и т.д.? Нельзя сказать, что определенный набор ценностей, их иерархия сами по себе определяют тот или иной поступок как геройский или преступный и гарантируют устойчивость человека к воздействию террористической идеологии. Уничтожение живой силы врага во время войны фактически, а не декларативно перечеркивает универсальную ценность любой человеческой жизни. В человеческих отношениях могут проявляться различные ценности для своих и чужих, друзей и врагов, а разделение на своих и чужих, друзей и врагов – это маркеры идеологии. Соответственно оценка социальной нормативности – это вопрос соответствия или несоответствия социально-политическим идеалам. Геройский поступок на языке одного политического идеала может подпасть под категорию преступления и терроризма на языке идеала противоположного.

Представляется, что в данном случае налицо феномен известной для психологов фигуры Рубина «молодая девушка или старушка», персонажи которой оказываются заменены на террориста и национального героя-

освободителя, революционера, а фокус восприятия этих фигур настраивается субъектами, формирующими общественное мнение по данному вопросу.

Детерминанты образа террориста в общественном сознании

Управление восприятием персонажей данной двойственной фигуры в общественном сознании осуществляется на уровне следующих ключевых параметров оценки (таблица 1): образы субъекта и объекта теракта, отношение общества к заявленным целям и идеологическому обоснованию террористического акта, отношение международного сообщества к террористическому акту, мотивы, социально-политический контекст террористического акта и его психолого-политические последствия.

Таблица 1 – Факторы, определяющие отношение к терроризму

<i>Параметры оценки</i>	<i>Факторы оправдания и героизации терроризма</i>	<i>Факторы обвинения и демонизации терроризма</i>
Образ субъекта террористического акта	Образ национально-освободительного героя, патриота, повстанца, партизана; образ жертвы диктаторского политического режима, обстоятельств стихийного социально-политического конфликта, толкнувших человека на совершение теракта	Образ террориста как преступника
Образ объекта террористического акта	Политические убийства одиозных государственных и политических деятелей, воспринимаемые как акты справедливой мести, заслуженного возмездия, реализация принципа социальной справедливости	Убийства гражданского населения; политические убийства национальных лидеров
Отношение общества к заявленным целям и идеологическому обоснованию террористического акта	Поддерживаемое обществом послание для диктаторского, авторитарного режима, деспотичной власти, бросающее вызов ее действиям	Вызов для власти, пользующейся поддержкой населения, угроза общественной безопасности, стабильности и порядку
	Близость идеологических, религиозных, морально-нравственных принципов с принципами, постулируемыми террористической организацией	Неприемлемость идеологических, религиозных, морально-нравственных принципов, постулируемых террористической организацией
	Сочувствие делу террористов общества или его части, восприятие актов поддержки террористов как проявлений нормативного поведения	Враждебность к делу террористов со стороны общества, восприятие актов поддержки террористов как проявлений ненормативного и криминального поведения

Продолжение таблицы 1

<i>Параметры оценки</i>	<i>Факторы оправдания и героизации терроризма</i>	<i>Факторы обвинения и демонизации терроризма</i>
Отношение международного сообщества к террористическому акту	Легитимация данных насильственных действий со стороны политических лидеров других государств, представителей международных сообществ и общественности, объявление этих действий актами национально-освободительной борьбы	Квалификация соответствующих насильственных действий как террористических со стороны политических лидеров других государств, представителей международных организаций и общественности
Мотивы террористического акта	Социальная несправедливость, бедность, угнетенность, униженность, переживание оскорбления национального достоинства и религиозных чувств, чувства отчаяния и т.п. в ситуации, которая кажется безвыходной, разрешить которую может лишь насилие, как мотивов террористического акта	Холодный циничный расчет или фанатизм, лежащие в основе террористического акта
Социально-политический контекст террористического акта	Смещение политических сил, происходящее на фоне национально-освободительной борьбы, стихийного обострения религиозных и этнических конфликтов	Смещение неудобных политических сил под маской религиозных, этнических конфликтов
Психолого-политические последствия террористического акта	Создает прецеденты активного неповиновения и силового противостояния власти, активизирует оппозиционные власти силы и настроения	Объединяет общество перед лицом угрозы общего врага, подавляет оппозиционные настроения и силы
	Демонстрирует обществу наличие сил, не готовых мириться с произволом властей, бессилие власти	Демонстрирует обществу необходимость принятия экстренных силовых мер, предоставляет карт-бланш на радикальные меры со стороны власти

В отношении образа субъекта теракта факторами героизации терроризма являются представление террориста в роли национально-освободительного героя, патриота, повстанца, партизана. Для оправдания традиционно используется создание образа жертвы. Это может быть жертва диктаторского политического режима или конкретных властных лиц, обвиняемых в политических преследованиях диссидентов, жертва обстоятельств стихийного социально-политического конфликта, толкнувших человека на совершение теракта, жертва членов террористической организации, заставивших его пойти на это, жертва собственных искренних

заблуждений. Фактором обвинения и демонизации является представление террориста как преступника.

Политические убийства одиозных государственных и политических деятелей, воспринимаемые как акты справедливой мести, заслуженного возмездия, реализация принципа социальной справедливости, выступают факторами героизации террористов по параметру объекта терактов. Напротив, демонизация террористов всегда связывается с убийствами мирного гражданского населения и политическими убийствами национальных лидеров.

Третьей важнейшей детерминантой образа террориста в общественном сознании является отношение общества к заявленным целям и идеологическому обоснованию террористического акта. За основу для героизации образа может приниматься поддерживаемое обществом послание террористов, адресованное диктаторскому, авторитарному режиму, деспотичной власти, бросающее вызов ее действиям. Демонизация образа происходит, когда звучит вызов для власти, пользующейся поддержкой населения, создается угроза общественной безопасности, стабильности и порядку. Близость идеологических, религиозных, морально-нравственных принципов с принципами, постулируемыми террористической организацией, служит фактором оправдания террориста; неприемлемость идеологических, религиозных, морально-нравственных принципов, постулируемых террористической организацией, – фактором обвинения. Сочувствие делу террористов общества или его части, восприятие актов поддержки террористов как проявлений нормативного поведения – это индикатор позитивного отношения к террористам. Индикатором негативного отношения является враждебность к делу террористов со стороны общества, восприятие актов поддержки террористов как проявлений ненормативного и криминального поведения.

Четвертая детерминанта образа террориста – это отношение международного сообщества к террористическому акту. Для создания позитивного имиджа используется легитимация данных насильственных действий со стороны политических лидеров других государств, представителей международных сообществ и общественности, объявление этих действий актами национально-освободительной борьбы. Негативный имидж – это результат квалификации соответствующих насильственных действий как террористических со стороны политических лидеров других государств, представителей международных организаций и общественности.

Пятая детерминанта – это собственно мотивы совершения теракта. В качестве оправдывающих мотивов выступают социальная несправедливость, бедность, угнетенность, униженность, переживание оскорбления национального достоинства и религиозных чувств, чувства отчаяния и т.п. в ситуации, которая кажется безвыходной, разрешить которую может лишь насилие, как мотивов террористического акта. Ведущими мотивами для обвинения являются холодный циничный расчет или фанатизм, лежащие в основе террористического акта

Шестая детерминанта – это социально-политический контекст террористического акта. Оправдание связано с фактором стихийности (насильственное смещение политических сил, происходящее на фоне национально-освободительной борьбы, стихийного обострения религиозных и этнических конфликтов), обвинение – с фактором целенаправленности, злого умысла (смещение неудобных политических сил под маской религиозных, этнических конфликтов).

Седьмая детерминанта – это психолого-политические последствия террористического акта. На позитивный имидж террористов работают такие последствия теракта, как создание прецедентов активного неповиновения и силового противостояния власти как продолжения «дела террористов», активизация оппозиционных власти сил и настроений, демонстрация

обществу наличия сил, не готовых мириться с произволом властей, бессилия власти. Негативный имидж террористов связан с объединением общества перед лицом угрозы общего врага, подавляющим оппозиционные настроения и силы, демонстрацией обществу необходимости принятия экстренных силовых мер, предоставлением карт-бланша на радикальные меры со стороны власти.

Отметим, что свобода выбора и легкость переключения ролей описываемой фигуры закрепляется в подростковом сознании создателями специфических компьютерных игр-стрелялок, типа Call of Duty: Modern Warfare 2, в которой игроку предлагается сыграть роль террористов, которые по сюжету расстреливают пассажиров в аэропорту в Москве.

Второй разновидностью фигуры Рубина оказывается представляемая в образе террориста пара: оппозиция, диссиденты и государство. Признание легитимности насильственных действий государства в отношении устроителей очередного майдана влечет за собой квалификацию деяний последних как террористических. Напротив, признание легитимности действий революционеров, свергающих ненавистного тирана, может закончиться объявлением защитных мер властей актом государственного терроризма, как это произошло, например, на Украине. Сторонники второй фигуры восприятия постулируют, что законная (но не легитимная) государственная власть также может признаваться террористом на основании оценки ее действий, представленной общественным мнением. Отметим, что терроризм оказывается в этом плане выражением кризиса легитимности системы законного государственного насилия. Когда государственная власть отказывается от применения в соответствующих обстоятельствах угрозы общественной безопасности и порядку от своего исключительного права на применение легального насилия, это право самоделегируют себе террористы.

Борьба за правильное распределение в общественном мнении ролей насильника и жертвы является закономерным следствием понимания

терроризма как соответствующих нелегитимных действий, нелегитимность которых должна быть подтверждена общественным мнением. Ставка на данный подход является прологом к бесконечной информационно-психологической войне с политическими оппонентами и может быть целесообразна для государства только в условиях уверенности в контроле за информационным полем.

Более адекватный подход, на наш взгляд, – это принятие парадигмы объективного права, принимающего во внимание только объективную сторону преступления. Никакие религиозные и политические мотивы не могут быть основанием для совершения терактов. Суд не принимает во внимание «внутреннюю правду» и благие цели террористов и уж, тем более, не рассматривает их в качестве смягчающих обстоятельств. Этот же подход должен стать нормой и в международных правовых отношениях. Когда на смену идеологическим клише придут объективные критерии, тогда не будет таких оксюморонов как «умеренные» террористы.

Какой из двух образов в этих фигурах утвердится в общественном сознании граждан? Очевидно, что это не только вопрос убедительности существующих информационных потоков и доминирования «идеологически правильных» СМИ в информационном пространстве. Это всегда еще и психологические характеристики личности реципиента информации, такие как установки, убеждения, стереотипы, идеалы, ценности, общая информированность и понимание социально-политической ситуации. Попробуйте переубедить каких-нибудь сектантов, ожидающих конца света, в том, что все это враки и никакого конца света не будет. Попробуйте убедить глубоко верующего человека отказаться от сакрального для него ритуала или перейти в другую религию. Это практически неразрешимая задача. Это будет ломка всех его выработанных и упроченных опытом каждодневного повторения социальных условных рефлексов, на которых строится все его взаимодействие с окружающим миром. Поэтому если он воспитывался в

парадигме традиционного христианства и принял ее, он не окажется в секте, например, свидетелей Иеговы. Также как человек, впитавший в себя религию традиционного ислама, не перейдет в секту ваххабитов. И, напротив, если человека воспитали в духе борьбы с неверными, то логичным будет ожидать, что его поведение также будет в той или иной степени следовать данной цели. Нормативность его поведения в сообществе будет оцениваться своими по тому, насколько он соответствует этим идеалам. То есть, религии может противостоять только другая религия. И психологическая устойчивость человека к идеям религиозного терроризма – это вопрос его посвященности в традиционную религию. Эффективность усвоения традиционной религии становится здесь фактором защиты личности от «сектантских ересей», в том числе экстремистского и террористического толка. Подчеркнем, что это касается религиозных людей. Чем громче будут звучать в обществе оценки неуважительного отношения к традиционным религиям, тем популярнее будут идеи религиозного экстремизма среди религиозных людей. Этот механизм важно понимать.

Роль светской религии принимает на себя политическая идеология. Психологическая устойчивость гражданина к «тлетворному» влиянию чуждых идеологических конструкций – это вопрос его эффективной социализации в рамках нормативных национальных идеалов данной политической системы. Идеологии может эффективно противостоять только другая идеология. Дискредитация национальных идеалов, обесценивание социальных ценностей открывает двери для рекрутинга в сторонники других политических идеалов.

Терроризм как практика воздействия на принятие решения органами власти

Не более ясно дело обстоит и с применением второй части предлагаемого законодателем определения терроризма: практикой

воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Как квалифицировать действия тех государственных лиц, которые участвовали в организации политических переворотов, цветных революций в других государствах? Направлены ли были действия организаторов майдана на Украине на воздействие на принятие решений ее бывшим политическим руководством? Было ли связано данное воздействие с устрашением населения или иными противоправными мерами? Как оценивать случаи официально признанных, подтвержденных убийств или покушений на убийство политических лидеров других государств, совершенных сотрудниками спецслужб: убийство Троцкого, покушения на Ф. Кастро? Примеров здесь очень много. Будем ли мы здесь исходить из логики оценки данных действий как актов свершения правосудия, имеющих экстерриториальный характер, игнорируя при этом нормы национального и международного права? Или присоединимся к сторонникам тех логических построений, которые утверждают, что здесь нет признака устрашения населения, а напротив, это соответствует всеобщим потребностям и народным чаяниям на пути к дальнейшей демократизации? Точно такие же вопросы могут быть поставлены и по поводу оценки санкционных мер со стороны США, Канады, Европы в отношении России.

Представляется, что здесь мы уже имеем дело с терроризмом как инструментом государственного воздействия на политических противников, в качестве которых могут выступать и другие государства. Намечается принятие невыгодного политического решения, невыгодный союз среди противников – возникает серия терактов. До сих пор существующий в современном мире анахронизм морского пиратства решает, в первую очередь, политические цели. Для дестабилизации обстановки и оказания

политического давления создаются не просто законспирированные организации, но и целые самопровозглашенные террористические государства, получающие финансовые ресурсы, военных инструкторов, тренировочные базы, оружие для организации не только локальных террористических актов, но и ведения полномасштабных военных действий в отношении стран с неугодными политическими режимами.

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах» (в основу которой был положен советский проект), государственный терроризм определялся как действия, направленные на насильственное изменение или подрыв общественно-политического строя суверенных государств, дестабилизацию и свержение их законных правительств (цит. по Моджорян, 1986, с. 201).

Экономическая блокада, обрекающая население на голодную смерть, система запугивания политических деятелей и населения иностранного государства или оккупированных территорий, создание паники среди населения иностранного государства, разжигание гражданской войны и уничтожение неугодных политических деятелей, организуемых спецслужбами государства-террориста, угрозы вторжения или вторжение в пределы иностранного государства, чтобы вынудить его принять ультиматум государства-террориста – все это проявления государственного терроризма.

Но эти проявления на сегодняшний момент в качестве терроризма почему-то не квалифицируются и даже не называются. Более того, государственный терроризм начинают трактовать как политику устрашения и нелегитимного насилия со стороны государства по отношению к обществу в целом, либо к диссидентам и оппозиции, что выдает интересантов утверждения данной позиции, но в принципе уводит от сути данного явления.

Какова идеология субъектов, занимающихся государственным терроризмом? Она может быть демократической, либеральной, коммунистической, фашистской – какой угодно. Она может вещать от имени христианства, мусульманства, иудаизма, буддизма. Достаточно вспомнить институт святой инквизиции и крестовые походы. В средние века папы римские в своих эдиктах вообще «легализовали» убийство королей и императоров, вышедших из повиновения «Святому престолу» и отлученных ими от церкви, «гуманно» запретив лишь использовать для этого яды.

Попытка представить идеологию политического оппонента в качестве террористической – это, опять же, излюбленный прием информационно-психологической войны.

Так в 1981 г. госсекретарь США А. Хейга заявил, что «Союз спонсоров терроризма из соцлагеря и светских режимов арабского мира характеризовал первый этап роста терроризма на Востоке». «В парижском журнале «Пари-матч» от 30 января 1981 г., – пишет известный советский исследователь проблем терроризма Л.А. Моджорян, была опубликована статья, положения которой сводятся, в основном, к следующему: (1) уже в 1879 году организация «Народная воля» в России начала осуществлять террористические акты, следовательно, «склонность к терроризму» – национальная особенность русских; (2) террористы всех политических окрасок, как «правые», так и «левые», по всему миру – послушное орудие Москвы; (3) повсеместно следует проводить мысль о том, что базы по подготовке террористов находятся в Москве, Баку, Симферополе, Ташкенте, Одессе; (4) центром по подготовке террористов является университет им. Патриса Лумумбы в Москве» (Моджорян, 1986, с. 217).

Подобные идеологические послышки представлены и в сегодняшнем информационном поле. Так, профессор, доктор философских наук И.Г. Яковенко пишет: «Государственная поддержка терроризма становится уделом агрессивных тоталитарных режимов, активно противостоящих

либеральным ценностям». «И коммунисты, и фашисты использовали тактику терроризма на пути к власти» (Яковенко, 2005).

Понятно, что и наша страна играла в эти информационные войны. Если собрать весь возможных спектр подобных оценок, то не террористических идеологий у нас не останется в принципе. Данные оценки отражают идеологическую позицию самого оценивающего, но мало что говорят о сути изучаемого явления.

Образцами идеологии терроризма также часто представляют идеологии национализма и шовинизма, религиозной нетерпимости и вражды. Но эти элементы при желании можно отыскать в идеологических конструкциях самых различных политических и религиозных идеологий. Все это связано с базовыми психологическими механизмами функционирования любого этноса, который для того, чтобы существовать должен выделиться и противопоставить себя окружающим его этносам. В основе любой идеологии лежит идеал как «предельное представление о реальности, какой она должна быть в соответствии с нашими желаниями» (Ватулин, 2003, с. 22). Терроризм же, как представляется, может быть лишь средством утверждения, сохранения, расширения сферы влияния любой идеологии – религиозной или политической. И этот элемент присутствовал в определенные исторические периоды в самых разных идеологиях. Демократическая идеология совсем не помешала США и ряду стран Евросоюза бомбить Югославию, Ирак, Сирию, но это не повод объявить демократическую идеологию террористической.

Заключение

Анализ трактовок феномена терроризма различными исследователями позволил выделить два подхода, отличающихся как по объекту террористического воздействия, так и по его целям.

Первый подход исходит из понимания терроризма как политического преступления против государства. Если нет цели воздействия на

государственную власть и органы местного самоуправления, то нет и терроризма. Устрашение населения – это средство воздействия на государственную власть.

Второй подход трактует терроризм как насильственное воздействие на политических противников. Государство может выступать в роли террориста в отношении как собственной политической оппозиции, так и других государств.

Когда законность-незаконность насилия определяется не объективными критериями закона, а общественным мнением о степени его справедливости, возникают информационно-психологические войны за утверждение или отрицание имиджа террориста, представление конкретных политических сил в роли национально-освободительных героев, умеренных террористов, террористов, насильников и жертв. Терроризм оказывается в этом плане правом названия политического противника со стороны сильного, того, кто одержал победу в информационно-психологической войне.

Следствием плюрализма формируемых в общественном мнении подходов к пониманию сущности терроризма и информационно-психологических войн является и плюрализм оценок гражданами террористов, варьирующихся от признания их преступниками до борцов за справедливость.

Сущность политического и религиозного терроризма нельзя рассматривать в отрыве от нормативного национального идеала. Социальная героика любого этноса связана с борьбой за утверждение, сохранение и распространение данного идеала всеми доступными средствами. Терроризм – это инструмент утверждения альтернативных идеалов, противопоставленных идеалам национальной политической и религиозной системы.

Психологическая устойчивость к идеологическому воздействию – это неприятие его смыслов и ценностей. Она должна способствовать стойкому отвержению обществом идеологии терроризма в самых различных ее

проявлениях. Психологическая устойчивость к воздействию идеологии терроризма является производной от меры эффективного усвоения гражданином в процессе социализации содержания нормативных национальных идеалов – религиозных и светских (социально-политических). Религиозным конструкциям экстремистских и террористических сект может эффективно противостоять только традиционная религия. Экстремистским и террористическим идеологиям может противостоять только национальная идеология, выражающаяся в сформированных социально-политических установках, убеждениях, ценностях, идеалах личности, ее мировосприятии и миропонимании.

Список использованных источников

- Ватулин А.И. Идеология и ее механизмы // Вестник политической психологии, 2003. №2 (5). С. 20-24.
- Закиров Р.С. Общественное мнение об убийстве великого князя Сергея Александровича в 1905 г. // Научный потенциал: работы молодых ученых, 2013. № 3. С. 309-314.
- Коробеев А.И., Мальцев А.А. Особенности причинно-мотивационного комплекса вовлечения несовершеннолетних в деятельность террористических организаций // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права, 2016. Т. 10. № 1. С. 50-59.
- Лепешкин Н.Я., Василин В.Г., Обирин А.И., Талынев В.Е. Психологические основы терроризма и антитеррористической деятельности в современных условиях. Хабаровск, 2008. URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/ter/ter.htm> (Дата обращения: 20.09.2018).
- Моджорян Л.А. Терроризм: правда и вымысел. М., Изд-во Юридическая литература, 1986.
- Морозов Н.А. Террористическая борьба. М., 1992. URL: <http://narovol.ru/document/morozterror.htm> (Дата обращения: 20.04.2018).
- Петрищев В.Е. Природа терроризма и проблемы борьбы с ним в России. 2012. URL: <http://www.arms-expo.ru/news/archive/priroda-terrorizma-i-problemy-bor-by-s-nim-v-rossii12-05-2012-12-04-00/> (Дата обращения: 08.07.2018).
- Савинков Б.В. Конь бледный. 1909. URL: http://az.lib.ru/s/sawinkow_b_w/text_0020.shtml (Дата обращения: 10.08.2018).
- Сейджмен М. Сетевые структуры терроризма. М., Идея-Пресс, 2008.
- Соснин В.А., Нетсик Т.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. М., Ин-т психологии РАН, 2008.

- Спирина Е.В. Суицидный терроризм – субъект в структуре угроз национальной безопасности и нарушения политической стабильности на территории Российской Федерации // Молодой ученый, 2013. № 5. С. 566-572.
- Степанова М.А., Логинова К.Э. Терроризм как идеология насилия // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму в современных условиях М., Изд-во: Международный юридический институт, 2016. С. 239-248.
- Судебная речь адвоката Александрова в защиту Веры Засулич. URL: <https://historicaldis.ru/blog/43306745407/Sudebnaya-rech-advokata-Aleksandrova-v-zaschitu-Veryi-Zasulich> (Дата обращения: 15.07.2018).
- Яковенко И.Я. Терроризм // Нева, 2005. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/12/ia11.html> (Дата обращения: 20.04.2018).

References

- Vatulin A.I. Ideologiya i ee mekhanizmy [Ideology and its mechanisms] // Vestnik politicheskoi psikhologii, 2003. No. 2 (5). Pp. 20-24. (In Russian)
- Zakirov R.S. Obshchestvennoe mnenie ob ubiistve velikogo kniazia Sergeia Aleksandrovicha v 1905 g. [Public opinion about the murder of the Grand Duke Sergei Alexandrovich in 1905] // Nauchnyi potentsial: raboty molodykh uchenykh, 2013. No. 3. Pp. 309-314. (In Russian)
- Korobeev A.I., Mal'tsev A.A. Osobennosti prichinno-motivatsionnogo kompleksa вовлечения несовершеннолетних в деiatel'nost' terroristicheskikh organizatsii [Features of the causal-motivational complex for involving minors in the activities of terrorist organizations] // Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava, 2016. Vol. 10. No. 1. Pp. 50-59. (In Russian)
- Lepeshkin N.Ia., Vasilin V.G., Obirin A.I., Talynev V.E. Psikhologicheskie osnovy terrorizma i antiterroristicheskoi deiatel'nosti v sovremennykh usloviakh [Psychological foundations of terrorism and anti-terrorism activities in modern conditions]. Khabarovsk, 2008. URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/ter/ter.htm> (Accessed: 20.09.2018). (In Russian)
- Modzhorian L.A. Terrorizm: pravda i vymysel [Terrorism: truth and fiction]. Moscow, Iuridicheskaiia literatura Publ., 1986. (In Russian)
- Morozov N.A. Terroristicheskaiia bor'ba [Terrorist struggle]. Moscow, 1992. URL: <http://narovol.ru/document/morozterror.htm> (Accessed: 20.04.2018). (In Russian)
- Petrishchev V.E. Priroda terrorizma i problemy bor'by s nim v Rossii [The nature of terrorism and the problems of fighting it in Russia]. 2012. URL: <http://www.arms-expo.ru/news/archive/priroda-terrorizma-i-problemy-bor-by-s-nim-v-rossii12-05-2012-12-04-00/> (Accessed: 08.07.2018). (In Russian)
- Savinkov B.V. Kon' blednyi [The horse is pale]. 1909. URL: http://az.lib.ru/s/sawinkow_b_w/text_0020.shtml (Accessed: 10.08.2018). (In Russian)
- Seidzhmen M. Setevye struktury terrorizma [Network structures of terrorism]. Moscow, Ideia-Press Publ., 2008. (In Russian)
- Sosnin V.A., Netsik T.A. Sovremennyi terrorizm: sotsial'no-psikhologicheskii analiz [Modern terrorism: a socio-psychological analysis]. Moscow, In-t psikhologii RAN Publ., 2008. (In Russian)

- Spirina E.V. Suitsidnyi terrorizm – sub"ekt v strukture ugroz natsional'noi bezopasnosti i narusheniia politicheskoi stabil'nosti na territorii Rossiiskoi Federatsii [Suicidal terrorism is a subject in the structure of threats to national security and violation of political stability on the territory of the Russian Federation] // Molodoi uchenyi, 2013. No. 5. Pp. 566-572. (In Russian)
- Stepanova M.A, Loginova K.E. Terrorizm kak ideologiya nasiliia [Terrorism as an ideology of violence] //Aktual'nye problemy protivodeistviia terrorizmu i ekstremizmu v sovremennykh usloviakh M., Izd-vo: Mezhdunarodnyi iuridicheskii institut, 2016. Pp. 239-248. (In Russian)
- Sudebnaia rech' advokata Aleksandrova v zashchitu Very Zasluch [Judicial speech of a lawyer Aleksandrov in defense of Vera Zasluch]. URL: <https://historicaldis.ru/blog/43306745407/Sudebnaya-rech-advokata-Aleksandrova-v-zaschitu-Very-Zasluch> (Accessed: 15.07.2018). (In Russian)
- Iakovenko I.Ia. Terrorizm [Terrorism] // Neva, 2005. No. 12. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/12/ia11.html> (Accessed: 20.04.2018). (In Russian)